

Т. Б. Ильинская

**Художественная семантика ритуальной пищи в творчестве Н. С. Лескова
(от православного поста к вегетарианству)**

Работа подготовлена при финансовой поддержке РГНФ (грант № 15–04–00192)

Статья представляет собой аналитический обзор ритуально-пищевых образов в творчестве Н. С. Лескова. Религиозное отношение к еде, встречающееся в лесковских текстах, рассматривается в контексте народно-православных представлений о посте. В итоге делается вывод о том, что произведения Лескова содержат материал для соотнесения с самыми разнообразными преломлениями темы поста в народно-христианской словесности. Хронологическое рассмотрение темы позволило обнаружить эволюцию в сознании писателя: если ранним этапам творчества соответствует изображение поста как торжества духа над плотью, то для позднего Лескова характерно окрашенное в религиозные тона этическое вегетарианство.

Ключевые слова: Лесков, праведничество, грех, ритуал, пост, старообрядчество, вегетарианство, толстовство, мотив, сюжет, символ, фольклор.

Т. В. Pinskaya

Art Semantics of the Ritual Meal in N. Leskov's Works (from Orthodox Lent to Vegetarianism)

The article presents an analytical review of ritual-food images in N. Leskov's works. A religious attitude towards food in Leskov's texts is considered in the context of people's Orthodox views about fasting. In the result, the author concludes that the art heritage of Leskov contains the material to correlate with a variety of refractions of the themes of lent in the Christian folk literature. A chronological consideration of the subject led to the discovery of evolution in the mind of the writer: if the early stages of creation correspond to the image of fast as the triumph of the spirit over the flesh, that ethical vegetarianism painted in religious tones is typical for late Leskov.

Keywords: Leskov, righteousness, sin, ritual, fast, the old belief, vegetarianism, Tolstoyism, motive, plot, symbol, folklore.

Народно-христианские традиции в числе своих основных ценностей содержат нормы, относящиеся к сфере ритуальной пищи. Мотивы еды и питья – одни из важнейших в литературе – занимают особое место в вещном художественном мире Лескова. Конечно, если составить словарь блюд, встречающихся на страницах лесковских произведений, он не будет столь обширен, как у Гоголя и Гончарова, для которых характерны подробные гастрономические описания. Кроме того, у Лескова нет той символизации еды, которая проявляет себя как пиршественный воскресный пирог Обломовки или пасхальный кулич, превратившийся у Плюшкина в сухарь. Однако использование «пищевой» лексики позволяет Лескову расставить необходимые акценты.

Что едят лесковские герои – об этом читатель узнает немного, но достаточно для того, чтобы мысленно добавились характерные штрихи к их облику. В «Соборях» точно названа традиционная вечерняя закуска Савелия Туберозова – два вареных яйца всмятку, и это «меню» свидетельствует об умеренности его в еде. Плодомасов-

ский священник отец Алексей, «кушая жаренную в сметане печенку» [4, с. 234], поддерживает разговор с барыней, провожающей сына в Петербург. Смысл этого «пищевого» образа – в обозначении изобильного стола хлебосольной хозяйки, которой в момент разлуки с сыном совсем не до еды, в то время как отец Алексей не может удержаться и не отведать предлагаемые яства. «Яровая рожь», «убоинка», лежащие у дорог ободранные «падла» помогают воссоздать широкую панораму голодающей деревни («Засуха», «Юдоль»).

Устойчивой темой в творчестве писателя оказывается и ритуальная еда, в частности, постная пища. Православный пост – неотъемлемая принадлежность лесковского младенчества и детства. Говоря в автобиографии о двух разных типах религиозности в своей семье, Лесков описывает обрядовый характер материнской веры («читала дома акафисты») и «каждое первое число служила молебны» – X, 11). С православной обрядовостью, несомненно, сопряжено и соблюдение постов. Религиозность отца, который «ездил

в церковь редко и не исполнял никаких обрядов», видимо, не была связана с почитанием постов. Для маленького ребенка религиозность матери была заметнее, поскольку обряд всегда имеет свое внешнее проявление, и православный пост – это одно из первых впечатлений детских лет. Оторвавшись от семьи в свои гимназические годы, квартируя в Орле у богобоязненной вдовы Порфирьевны и ее сына Никиши, будущий писатель и тут продолжал жить в ритме чередовавшихся скоромных и постных периодов. «Хлебы были особенные, – писал Лесков в воспоминаниях, – и назывались “прощеными пирогами”, или “пряниками”. Вкусу в них не полагалось решительно никакого, и они во весь пост составляли для нас с Никишею сущее наказание, потому что из них насушивали сухари и выдавали их нам вместо свежих булок, которые зато на все это время отменялись» [3, с. 112]. Но если у Лескова во всей полноте воссоздана детская очарованность монастырскими богомольями («Овцебык»), то поэзии детского восприятия поста – через еду [1, с. 214] – у него совершенно нет. Это особенно заметно в контрасте с И. Шмелевым, у которого ребенок чувствует возвышающее воздействие поста и в то же время переживает его кулинарные радости: «Будут варить компот, делать картофельные котлеты с черносливом и шепталой, маковый хлеб с красивыми завитушками из сахарного мака <...> А жареная гречневая каша с луком, запить кваском! А постные пирожки с груздями, а гречневые блины с луком...» [8, с. 17].

Какое же место занимает православный пост в лесковской художественной системе? Постятся ли лесковские праведники? Менялось ли на протяжении творчества писателя его изображение ритуальной еды?

У праведников ранних лесковских произведений пощение вторично по отношению к помощи страдающему человеку. Пост никогда не становится самоцелью, отдельным подвижничеством. В «Житии одной бабы» (1863) говорится о следовании великопостной традиции («...пришел великий пост, Настя ходила говеть, исповедовалась и причащалась» – I,314), но в то же время праведник Крылушкин не держится педантически религиозных обрядовых предписаний, позволяя больной Насте оскоромиться в постные дни: «Настя и пила молоко от крылушкинской коровы, как воду, сплошь все дни, и среды, и пятницы» (I,323).

Наряду с этим раннее творчество дает и иную картину, когда строгое пощение входит в образ лесковского праведника: «С каждым годом Ульяна Петровна Долинская становилась все религиознее; постилась все строже, молилась больше; скорбела о людской злобе и не выходила из церкви или от бедных» (III,21). Такое религиозное отношение к пище у героини-праведницы из романа «Обойденные» (1865) согласуется с народным пониманием поста как очищения от страстей, как преодоления телесного и приобщения к безгрешной жизни. В народной православной культуре, прежде всего в духовных стихах, с которыми творчество Лескова было многообразно связано, отношение к пище сопрягается с нравственной категорией греха [7, с. 83]:

Дан вам пост на наслаждения,
 Душам вашим на спасение,
 Телесам вашим на здоровье [6, с. 218].

Духовный стих превозносит житие пустытника и постника, ставя ему в заслугу:

Ишше пил Предотеча,
 Он болотную воду,
 Ишше кушал Предотеча,
 Он гнилую колоду [2, с. 200].

Лесковское единодушие с народно-православным обрядовым аскетизмом после «Обойденных» явно идет на убыль. Через шесть лет, в повести «Смех и горе» (1871), пост представлен уже по-иному: «Стояло великопостное время; я был тогда, как говорю вам, юноша теплый и умиленный, а притом же потеря матушки была еще насвеже, и я очень часто ходил в одну домовую церковь и молился там и пресладко и преискренно. Начинаю говеть и уж отгавливаюсь...».

Здесь тема говенья получает уже эгегическое освещение. Пост соединяет героя с прошлым, возвращая ему душевное тепло и умиленность детства. Пост – это уклад материнского дома и память о скончавшейся матери.

Стремясь проследить мотивы поста в лесковском творчестве, мы не можем обойти «Соборян» (1872) – своего рода энциклопедию православной веры и жизни. Единственное масштабное произведение о духовенстве, оно также лишено шмелевской поэзии поста. Тема ограничения в еде ставится в хронике не в церковно-календарном смысле (дни поста), а в социальном, когда постная пища теряет религиозный смысл, становясь ежедневной суровой жизненной необходимостью («духовное нищенство»,

«причт полуголодный», – так Савелий Туберозов обозначает бедность провинциального духовенства). Впрочем, более широкое понимание поста – как покаяния и воздержания от чувственных удовольствий – позволяет две сцены «Соборян» включить в рассматриваемый мотив лесковского творчества. Савелий Туберозов, досаду на свою невоздержанность, решает отказаться и от дружеских застолий («Не пей, поп, вина» – IV,63), и от курения (IV,204).

В последовавшем за «Соборянами» «Запечатленном ангеле» (1873) тема религиозно запрещенной еды получает ироническое освещение. В диалоге отрока Левонтия и Марка встречается ветхозаветное и новозаветное отношение к пищевым ограничениям, причем слово «поганый» употреблено в старом значении – «религиозно нечистый»:

«Церковные кофий пьют!» – «А что за беда, – отвечает Левонтий, – кофий боб, он был Давиду царю в дарах принесен». <...> «Церковные, – говорю, – зайцев едят, а заяц поганый». «Не погань, – говорит, – Богом созданного, это грех». «Как, – говорю, – не поганить зайца, когда он поганый, когда у него ослий склад и мужеженское естество и он рождает в человеке густую и меланхолическую кровь?» (IV,58). У Лескова, хорошо знающего жизнь старообрядцев, в рассматриваемой сцене очень точно показан смысл пищевых запретов староверов. В старообрядческой среде были актуальны пищевые ограничения Ветхого завета (Левит 11:1–10). Для староверов разделение пищи на чистую и нечистую, позволительную и непозволительную было важным, поэтому в старопечатных богослужебных книгах были покаянные молитвы в грехе «скверноядения», на случай вкушения христианином запрещенной к употреблению пищи. Во избежание духовного и телесного «обмирщения» старообрядцам запрещается есть мясо зайцев, бобров, белок, конину, ослину, собачатину, мясо некоторых птиц. Тридцатая Глава федосеевского «Красного устава» в части «**О скверноядцах**», кроме кровоядения и ядения «поганого», перечисляет другие виды пищевой нечистоты: «пьянство», чайная и сахарная сладострастная чума (то есть чай и сахар причислялись к нечистой пище), а также кофе, который становится для Марка одним из противоцерковных аргументов.

В этом «гастрономическом» диалоге Левонтия и Марка перед читателем вырисовывается встреча Ветхого Завета с Новым, отменившим пищевые запреты, изложенные в ветхозаветной книге

Левит. В словах Марка пищевые ограничения несут ту функцию, которую они имели в старообрядческой среде. Подобно тому, как в Ветхом завете эти запреты имели целью оградить избранный народ от пагубного смешения с язычниками, представления Марка о том, что кофе и зайчатина оскверняют, служат для него обоснованием ритуальной нечистоты «церковных».

Слова Левонтия: «Не погань Богом созданного», – представляют собой аллюзию на новозаветный эпизод, когда в видении апостолу Петру Господь показал множество запрещенной иудеям пищи. Отказавшемуся от нее Петру было сказано: «Что Бог очистил, того ты не почитай нечистым» (Деян. 10:15). Новый завет рассматривает нечистоту исключительно как результат греха, считая, что «нет ничего, нечистого в себе самом», кроме греха. Поэтому слова Христа «ничто, входящее в человека извне, не может осквернить его; но что исходит из него, то оскверняет человека... Ибо изнутри, из сердца человеческого, исходят злые помыслы... все это зло изнутри исходит и оскверняет человека» (Мк. 7:23). Рассматриваемый эпизод «Запечатленного ангела» служит необходимым сюжетным звеном, предвещающим обращение Левонтия. Идущий вслед за сценами корыстолюбия раскольничьих иконописцев, он рисует старообрядческий мир в комических тонах, мотивируя тем самым религиозные искания Левонтия. Последовавший за этим «гастрономическим» моментом «Запечатленного ангела» эпизод со старцем Памвой лишен каких бы то ни было упоминаний о постничанье отшельника; сказанные Левонтию слова Памвы: «Поди очистишь» (IV,63), – касаются не поста, а крещения, составной частью которого является причащение.

Явно критические ноты по отношению к постничанью появляются в хронике «Захудалый род» (1874): у княжны Хотетовой истовое пощение соединяется с ханжеством и религиозным высокомерием. Такой комплекс религиозных чувств впоследствии весьма интересовал Лескова, что особенно проявилось в «Мелочах архиерейской жизни», где мотив фарисейства занимает важное место.

В «Захудалом роде» антиподами по отношению к самоценности поста выступают Протозанова и Хотетова. В ответ на слова Хотетовой: «...живем не для наслаждений, надо себя уметь сдерживать, поститься», – Протозанова уточняет: «...надо не от мяса одного удерживаться. Это пост для глаз человеческих, а души он не пользует»

ет: лошади никогда мяса не едят, а все как они скоты, то скотами и остаются; а надо во всем быть умеренною и свою нетерпеливость и другие страсти на сердце своем приносить во всеожожение Богу, а притом, самое главное, о других помнить» (V,121). В оппозиции Протозанова/Хотетова, весьма важной для системы образов хроники, большую роль играет противостояние двух взглядов на религиозный пищевой запрет. В убеждениях Протозановой мы сталкиваемся не с пренебрежением постом, а с противопоставлением педантичной обрядовости действительному христианству. Эта оппозиция внешнего и внутреннего в словах героини, говорящей о соблюдении поста, вполне согласуется с народной религиозной этикой: «Постись духом, а не брюхом!» (Даль. Пословицы русского народа).

Мотивы поста в лесковском творчестве отражают, с одной стороны, эволюцию религиозных воззрений писателя, а с другой – воссоздают многообразие представлений о посте. В повести «Железная воля» (1876) предстает новая грань осмысления поста в народной православной культуре, когда вынужденный пост в голодное время тоже вменяется в заслугу. За «испостившегося» Сафроныча, претерпевшего мучения голодом и голодом, вступается дьякон: «Ну вот уже и свинья! Зачем же так обижать? Он свинья, да пред смертью на чердаке испостился и, покаясь отцу Флавиану, во всем прощении христианском помер и весь обряд соблюл...» (VI,84).

В рассказе «Некрещеный поп» (1877) опять всплывает повторяющийся в лесковском творчестве мотив отторжения от педантичного постничанья: «...поп Савва вскоре же дал противу себя еще большие сомнения: в первый же великий пост, когда все прихожане перебивали у него на духу, оказалось, что он ни одному человеку не запретил есть, что ему бог послал...» (VI,195). В готовности Саввы взять ответственность за оскорбившегося бедного человека – отзвук евангельского сюжета: «Суббота для человека, а не человек для субботы» (Мк. 2:23–27), когда Христос напоминает фарисеям, как голодный Давид со своими спутниками вошел в храм и стал есть жертвенные хлебы, которые, по церковным предписаниям, могли есть только священники. Согласно художественной логике рассказа, праведность Саввы заключается, в частности, в том, что живая человеческая нужда для него выше религиозных традиций. Лескова интересовали и привлекали такие люди, которые, не боясь навлечь на себя фарисейские упреки в несоблюдении

установленных правил веры, в своем сострадании к голодному и нуждающемуся человеку могли пойти вразрез с традицией.

«Мелочи архиерейской жизни» (1879) дают еще одно искажение смысла религиозного поста, когда пищевые ограничения, предписанные православным уставом, становятся бюрократическими характеристиками, входящими в жизнеописание архиерея. Эти однотипные биографии, по словам Лескова, «стали походить на послужные списки»: «Был больше суров или меньше суров владыко, постился ли он и молился больше или меньше – и в этом почти все» (VI,535). В художественной системе очерков постничанье противостоит тем живым «мелочам архиерейской жизни», которые находятся в поле зрения автора.

Пост как бытовая привычка, к которой примешивается коммерческий интерес, представлен в рассказе «Однодум» (1879). «Пироги изготовлялись по скоромным дням с творогом и печенкою, а по постным – с кашею и горохом; вдова выносила их в ночвах на площадь и продавала по медному пятаку за штуку» (VI,212), – так говорится о нехитром промысле матери Однодума. Когда от этого небольшого дохода семье пришлось отказаться, то и это не изменило скудной жизни Однодума, которая была непрерывным вынужденным постом, если понимать пост как ограничение своих телесных пристрастий во имя духовного. «Чаю они не пили и не содержали его в заводе, – говорится о спартанской жизни семьи Рыжовых, – а мясо ели только по большим праздникам – в остальное же время питались хлебом и овощами <...> а всего более грибами, которых росло в изобилии в их лесной стороне» (VI,225).

Такой пост – не традиционный церковный, а самостоятельно наложенный на себя, – характерен был и для другого лесковского праведника – Овцебыка. И Овцебык, и Однодум постоянно пребывают в невольном посте, отказавшись от поиска заработка по имя духовных ценностей. «Евангельская беззаботливость о себе» у Овцебыка была отчасти привычкой («Сын сельского дьячка, выросший в горькой нужде <...> он никогда не заботился не только о прочном улучшении своего существования, но даже никогда, кажется, не подумал о завтрашнем дне» – I,32). И в то же время стремление осуществить свою духовную миссию приводило к тому, что Овцебык – без намерения умерщвлять свою плоть – отодвигал на задний план заботы о пропитании. Рисуя своего героя, автор не раз прибегает к упо-

минанию о еде (так, Овцебык приходит, как всегда, голодный, съев лишь «четвертого дня вечером калач в Севске» – I,37), и в эпиграф повествования также вынесен пищевой образ: «Питается травой, а при недостатке ее и лишаями». Интересно, что при таком равнодушии к собственной сытости Овцебык пользуется «гастрономическими» представлениями, чтобы обличить современных «мытарей и фарисеев», после сытного обеда пишущих в журналах о прогрессе и страданиях народа: «Нет, ты дело делай, а не брешь. А то любовь-то за обедом разгорается <...> Толокном-то боятся подавиться <...> Таким разве поверят! А ты, – продолжал он, сев на своей постели, – надень эту же замашную рубашку, да чтобы она тебе бока не мусолила; ешь тюрю, да не морщися...» (1, 52). Вкусный обед мнимых народолюбцев и скудная еда бедных людей (толокно, тюря) становятся для Овцебыка знаками противостояния двух миров.

Подобную функцию несут на себе образы еды и в сказке «Маланья – голова баранья». Воспитанник праведницы Маланьи зовет нищего странника к столу: «Иди-ко-сь, дедко: тетушка Маланья наварила горшок сныти, сольюй присолила, зовет тебя ужинать». Непрерывный пост в доме Маланьи – не христианская добродетель, а суровая нужда: «Живут часом с квасом, а порою с водою. Маланья ночь не спит <...> и мучицы, и соль заработает, и хворосту по лесу наберет – печку затопит и хлеба спечет, и сама поест, и Ерашку с Живулечкой покормит». Сныть, квас, вода, мука, соль – эта вынужденно постная еда бедняков, упоминаемая автором для обрисовки Маланьиной жизни, – становится антиподом известного фольклорного образа – изобильного стола из поговорки (наготовила «как на Маланьину свадьбу»).

Как и в сказке о Маланье, где названия скудных блюд идут в повествовании о милосердии праведницы, в рассказе «Шерамур» еда также становится знаком сострадания к бедным. Натура героя проявляется через его отношение к еде. Постоянный «антипост» не соблюдающего церковных пищевых запретов Шерамура – это проявление его любви к ближнему, накормить которого стремится «чрева ради юродивый». Вообще же художественная семантика еды в рассказе «Шерамур» заслуживает отдельного рассмотрения; в нашем беглом обзоре лесковских ритуально-пищевых мотивов обратим внимание на парадоксальное сочетание «животных» и христианских обозначений еды в этом рассказе. С одной сторо-

ны, постоянная сосредоточенность на еде («жратва» как «пункт помешательства») – это избыточный физиологизм в ущерб духовному, когда еда, как у животных, становится «кормом» («корм он принимал от всякого без малейшего стеснения» – VI,249). С другой стороны, праведничество Шерамура по-евангельски проявляется в насыщении алчущих (Мф. 25:37 – «Тогда праведники скажут Ему в ответ: Господи! когда мы видели Тебя алчущим, и накормили?»). Соединившись воедино, эти мотивы дают своеобразие этого «не укладывающегося ни в какую форму» подвижничества: «Шерамур – герой брюха; его девиз – *жрать*, его идеал – *кормить других*» (VI,244).

Обзор православно-ритуальных мотивов, связанных с темой поста, будет неполным, если обойти лесковское изображение монастырской жизни. Жизнь монастырей предстает в повестях «Однорум» и «На краю света», но о постах не говорится ни слова. В описании добрейших пустынников Вавилы и Сергия монастырской пищевой устав не упоминается; они едят пойманную в озере рыбу, но неизвестно, к какому периоду православного календаря это приурочено. Аскетическая сторона монашеской жизни, в том числе обет постнического жития, художественно не интересовала Лескова.

Особый интерес представляют лесковские произведения (в основном это 1880-е гг.), где соблюдение или несоблюдение поста становится ярким юмористическим штрихом.

В «Печерских антиках» студенты духовной академии, чей строгий пост пристекал от скупости начальства, сложили «акафист матери Кукурузе» «как протест против дурного стола и ежедневного почти появления на нем кукурузы в пору ее созревания» (VII,137). Шуточный «Акафист Кукурузе» построен на противопоставлении разрешенной в некоторые постные дни рыбы и кукурузы: «Бысть послан комиссар (помощник эконома) на базар рыбы купити, узрев же тя кукурузу сущу, возопи гласом велиим и рече: “Радуйся, кукурузо, пище презельная и пресладкая...”». Как можно видеть, комизм «акафиста» строится на введении в церковнославянскую стихию прозаической кукурузы, пищи бедняков.

Новый поворот темы поста встречается в рассказе «Маленькая ошибка». Веселая снисходительность к себе во время поста характерна для церковного живописца – шутника и балагура, чей юмор часто затрагивал религиозные темы («часослов в 52 листа» – это игральные карты, по его выражению). Пищевые образы становятся теми

знаками, которые делают его «неверующим» в глазах купчихи-тещи: «Ко всему легко относился... даже по постам скоромное ел... и притом, слышат они стороною, будто он и червей, и устриц вкушает» (VII,253). Закономерно, что рождественское содержание «Маленькой ошибки» связано именно с этим героем, подшучивающим над обрядовым благочестием купеческого дома. Его действительная любовь приводит к счастливому завершению тех бурных потрясений, которые составляют сюжет рассказа. Как и более ранние произведения Лескова, «Маленькая ошибка» располагается в парадигме традиционной народной культуры: легкое отношение к посту лесковского героя находит себе соответствие в русском фольклоре, в поговорке: «Зачал говеть, да стало брюхо болеть» (Даль, Пословицы русского народа).

Трагикомический характер носит пощение в «Печерских антиках» (1883). Голодный пост, который держит старец Малахия, вынуждающий к такому же постничанью своих единоверцев, приводит к тому, что Гиезий постоянно пребывает в гастрономических грезах: «Булычку бы надо сбегать купить», – говорит он своим собеседникам. На их слова: «За чем же дело стало? Сбегайте», – он отвечает: «Рассердится. Три дня уже так говейно живем. Сам-то даже и капли все дни не принимал». Двоящееся художественное освещение фигуры Малахии здесь достигается тем, что, с одной стороны, этот голодный пост выглядит как религиозный подвиг (ведь он его держит ради восстановления религиозного единения), а с другой – за фигурой подвижника и постника виден вечно голодный Гиезий, мечтающий о «булычке». Еще более сомнительным представляется подвиг такого строгого поста на последних страницах повести, когда постаревший Гиезий видит в нем истоки своей смертельной желудочной болезни: «Он говел в летех своих заматорелых, – говорит он о старце Малахии, – а я одно и такое же мучение с ним претерпевал в цветущей моей младости <...> голод – это ужасно. Бывало, в госпожин пост и оскребки из деревянной чашки все со щепой переешь и, что в земле случаем ногами втоптанно, везде выковыряешь да проглотишь, а теперь вот через это староверское злое безумие и умирай без времени, а детей пусти по миру. Я теперь даже не токмо что среду или пяток, а даже и великий пост не могу никакой говейности соблюдать, потому меня от всего постного сейчас вытошнит. Сплошь теперь, как молокан, мясное и зачищаю, точно барин» (VII,202).

В рассматриваемом отрывке соблюдение поста подается как черта, разделяющая простой народ и «бар», которые постом пренебрегают. Это сближает «Печерских антиков» с «Маленькой ошибкой», где игнорирование поста – это черта «образованности».

В поздние годы своего творчества Лесков изображает пост как средство манипуляции пастырой или как формалистику церковной жизни. Так, ксендз Флориан («Антука», 1888) в своем стремлении к власти ссылается на чудесное видение, которое сможет увидеть только очистившийся человек. «Только, чтобы видеть это, – говорит он своему отряду, – вы должны весь этот день попоститься и с утра ничего не есть». Когда же на следующий день опять никто не видит благословляющей Флориана богоматери, он вынуждает голодных людей сидеть без еды. И когда один проголодавшийся хитрец «увидел» огонек, Флориан намекает, что окончание поста будет зависеть от такого духовного «прозрения» и всех остальных: «Вот, вот, вот! Смотри еще попристальнее! <...> нынче, кажется, вам Матерь Божия покажется, и вы будете есть лозанки с сыром».

В еще более резкие тона окрашен пост в легенде «Прекрасная Аза» (1888). Героиня, поступившая согласно евангельскому принципу «Раздай все и следуй за мной», просит клириков ее окрестить. «Ей сказали, как надо поститься, она пошла и долго постилась, питаясь тем, что ей давали из сострадания. Наконец она изнемогла и пришла снова с просьбой крестить ее и принять со всеми в общенье». Пост, к которому священнослужители призывают нищую Азу, становится существенным сюжетным звеном в цепи формальностей, создающих картину искажения церковной жизни.

Таким образом, в лесковских текстах тема поста со временем получает ироническое, а то и саркастическое освещение («Прекрасная Аза»). В современной православной публицистике эти мотивы позднего лесковского творчества часто трактуются как индивидуально-еретические. Однако такое отношение к посту встречается и в народной словесности:

Не сквернит в уста, а сквернит из уст.

Все посты постимся, а куда не годимся!

Постное едим, да скоромное отрыгаем.

(В. И. Даль. Пословицы русского народа)

Эта оппозиция внешнего и внутреннего в пощении, отраженная в народной православной словесности, становится одной из доминант поздних произведений Лескова, в которых тема практического христианства порой проявляет себя как противопоставление ритуала и действенной любви.

В народной христианской словесности пост многолик, и произведения Лескова содержат материал для соотнесения с народно-православной обрядовой традицией (прежде всего в изображении купечества, а также и крестьянства). Рассмотренные в хронологическом порядке мотивы православного поста обнаруживают эволюцию в сознании писателя – от художественного воссоздания обрядовой аскетики Ульяны Петровны Долинской до противопоставления практического христианства обрядовому формализму.

В том же 1889 году, когда писалась «Прекрасная Аза», тема пищевых ограничений получает в творчестве Лескова новое освещение – вегетарианское, как в собственном, так и в толстовском изводе [5, с. 216–220]. В рассказе «Фигура» главный герой и принятые им в дом женщина с дочкой «несли епитимию: из них трех никто не употреблял в пищу ни мяса, ни рыб – словом, ничего, имеющего сознание жизни». Этот жизненный принцип Фигура унаследовал от матери, образ которой воссоздается в сцене полемики о вегетарианстве. Священник ее уговаривал, что «это от Бога показано», и в требнике на освящение мясов молитву показывал, но ее не переспорил. «Ну, и хорошо, – отвечала она, – як вы прочитали, то вы и кушайте <...> просто противно мне, чтобы одно другое подало».

Так входит в художественное творчество Лескова тема вегетарианства, пропагандистом которого он стал и в своей публицистике.

Библиографический список

1. Болдырева, Е. Еда как структурно-семантический компонент детского мифа в романе И. Шмелева «Лето Господне» [Текст] / Е. Болдырева // Мировая словесность для детей и о детях. – Вып. 10. Ч. 1. – М., 2005.
2. Иосаф и Варлаамий [Текст] // Народные духовные стихи. – М., 2004.

3. Лесков, Н. С. Как я учился праздновать [Текст] / Н. С. Лесков // Лесков А. Н. Жизнь Николая Лескова. Т. 1. – М., 1984.

4. Лесков, Н. С. Соборяне [Текст] / Н. С. Лесков // Лесков Н. С. Собр. соч. в 11 т. Т. 4. / Н. С. Лесков. – М., 1957. Далее ссылки на это издание даются в тексте с указанием тома римской цифрой, страницы – арабской.

5. Лученецкая-Бурдина, И. Ю., Федотова, А. А. Диалог Н. С. Лескова с Л. Н. Толстым (на материале повести Н. С. Лескова «Полунощники») [Текст] / И. Ю. Лученецкая-Бурдина, А. А. Федотова // Ярославский педагогический вестник. – 2009. – № 4 (61).

6. Свиток Иерусалимский [Текст] // Голубиная книга. Русские народные духовные стихи XI–XIX веков. – М., 1991.

7. Федотов, Г. П. Стихи духовные (Русская народная вера по духовным стихам) [Текст] / Г. П. Федотов. – М., 1991.

8. Шмелев, И. С. Лето Господне [Текст] / И. С. Шмелев. – М., 2001.

Bibliograficheski spisok

1. Boldyreva, E. Eda kak strukturno-semantičeskij komponent detskogo mifa v romane I. Shmeleva «Leto Gospodne» [Tekst] / E. Boldyreva // Mirovaja slovesnost' dlja detej i o detjah. – Vyp. 10. Čh. 1. – M., 2005.

2. Iosaf i Varlaamij [Tekst] // Narodnye duhovnye stihi. – M., 2004.

3. Leskov, N. S. Kak ja uchilsja prazdnovat' [Tekst] / N. S. Leskov // Leskov A. N. Žizn' Nikolaja Leskova. T. 1. – M., 1984.

4. Leskov, N. S. Soborjane [Tekst] / N. S. Leskov // Leskov N. S. Sobr. soch. v 11 t. T. 4. / N. S. Leskov. – M., 1957. Dalee ssylki na jeto izdanie dajutsja v tekste s ukazaniem toma rimskoj cifroj, stranicy – arabskoj.

5. Lucheneckaja-Burdina, I. Ju., Fedotova, A. A. Dialog N. S. Leskova s L. N. Tolstym (na materiale povesti N. S. Leskova «Polunoshniki») [Tekst] / I. Ju. Lucheneckaja-Burdina, A. A. Fedotova // Jaroslavskij pedagogičeskij vestnik. – 2009. – № 4 (61).

6. Svitok Ierusalimskij [Tekst] // Golubinaja kniga. Russkie narodnye duhovnye stihi XI–XIX vekov. – M., 1991.

7. Fedotov, G. P. Stihi duhovnye (Russkaja narodnaja vera po duhovnym stiham) [Tekst] / G. P. Fedotov. – M., 1991.

8. Shmelev, I. S. Leto Gospodne [Tekst] / I. S. Shmelev. – M., 2001.